

«ПОГРАНИЧНАЯ СИТУАЦИЯ»: ЧУВАШСКАЯ ПРОЗА РУБЕЖА XX–XXI ВЕКОВ

Никифорова Вера Витальевна, кандидат филологических наук, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чебоксары, Россия, vera.nickiforova@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализировано состояние чувашской прозы середины 1980-х – первого десятилетия 2000-х гг. В ходе исследования было установлено, что в чувашской художественной словесности на данном этапе происходят напряженные поиски современных ориентиров, новых форм и содержания. В национальной прозе выявились следующие существенные изменения: открылись ранее запретные темы (социальное дно, культ личности, ситуация в Советской армии и афганская война) и появились новые жанровые разновидности (эротические, мистические, интеллектуальные произведения); литература с усложненной формой письма (постмодернистские произведения); расширились возможности и диапазон традиционной литературы (развивались лирико-философская, лирико-психологическая, женская проза, углубился психологизм); отмечился повышенный интерес к национальному (истории, мифологии) и т. д. Автор статьи приходит к выводу, что рубеж XX–XXI вв. в чувашской литературе является неким переходным периодом, в течение которого определяются черты новой прозы, свободной от прежней идеологии.

Ключевые слова: рубеж XX–XXI веков, чувашская проза, «пограничная ситуация», переходный период, реализм, постмодернизм.

Для цитирования: Никифорова В.В. «Пограничная ситуация»: состояние чувашской прозы рубежа XX–XXI веков // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 217–221. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-217-221>

Research Article

“BORDER SITUATION”: CHUVASH PROSE OF THE TURN OF THE 20TH-21ST CENTURIES

Vera V. Nikiforova, Candidate of Philological Sciences, Chuvash State Institute for the Humanities, Cheboksary, Russia, vera.nickiforova@yandex.ru

Abstract. The article analyses the state of Chuvash prose in the mid-1980s – the first decade of the 21st century. In the course of the study, it was found that at this stage there is an intense search for modern landmarks, new forms and content in the Chuvash artistic literature. The following significant changes were revealed in the national prose – topics previously hushed up (social bottom, Stalinism, abuse in the Soviet army and the Afghan War) went public and new genre varieties (erotic, mystical, intelligent works) appeared; the possibilities and range of traditional literature expanded (lyrical-philosophical, lyrical-psychological, women’s prose developed, psychologism deepened); literature with a complicated form of writing (postmodern works) has appeared recently; there has been an increased interest in the Chuvash national (history, mythology), etc. The author of the article comes to the conclusion that the turn of the 20th-21st centuries in the national Chuvash literature there has been a kind of transition period, during which the features of new prose, free from the previous ideology, are determined.

Keywords: turn of 20th-21st centuries, Chuvash prose, «border situation», transition period, realism, postmodernism.

For citation: Nikiforova V.V. “Border situation”: Chuvash prose of the turn of the 20th-21st centuries. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 217–221 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-217-221>

Рубеж веков представляет собой особенное социокультурное явление. В целом для таких периодов всегда характерны эсхатологические мотивы, стремление переосмыслить историю и себя в этой истории. Исследователи отмечают: «Нестабильность, давно замеченная в пограничных ситуациях природного или социального характера, явно наблюдается и при “хронопереходах”. Вроде бы понятно, что абсолюта нуля в нашей обозримой истории не существует, тем не менее с приближением нового века и окончанием старого, несмотря на условность хронологических исчислений, вместе с цифровым обнулением происходит и психологическое “сбрасывание”, своеобразная “перезагрузка” сознания (особенно европейского)... При этом вольное или невольное подведение итогов ведет к обобщениям, к поискам новой идентичности, к постановке новых целей и задач, что обостряет противоположные тенденции в разных сферах деятельности» [Ивинских].

При осмыслении понятия «рубеж веков» ученые выявляют факторы, свидетельствующие о кризисе духовного (в частности – художественного) сознания (усталость и исчерпанность; парадигмы начала и конца, смерти и возрождения, разрушения и творения) [Бочкарева].

Обозначенный «хронопереход» осложняется в нашей стране изменениями, вызванными перестройкой. Драматические перемены в обществе отчетливо отразились в культуре и литературе всех народов России, повлияли на их дальнейшее развитие. В чувашском литературоведении данный период практически не изучен, что и объясняет актуальность настоящей статьи. Изучение художественного опыта литератур народов России конца XX – начала XXI вв. представляет возможность осмыслить его теоретически. В числе новейших работ по данной проблеме следует назвать работу Т.Л. Кузнецовой «Коми проза конца XX – начала XXI века: опыт художественных поисков» [Кузнецова].

Термин «пограничная ситуация» введен немецким философом и психиатром К. Ясперсом [Больнов] и распространился в других гуманитарных науках благодаря своей смысловой наполненности. На рубеже XX–XXI вв. идеи экзистенциализма приобретают новое звучание, не говоря уже о буквальном значении данного выражения.

Постперестроечные изменения, калейдоскоп событий, снятие различного рода запретов вызвали в чувашской литературе начала 1990-х гг. на передний план литературу с публицистической направленностью. Года три в писательской среде сохранялась некоторая растерянность: казалось, что впереди множество возможностей.

Но то, что в развитии литературы начинается новый период, что должны произойти большие перемены, чу-

вашские писатели осознали в конце 1980-х гг. [Айташ]. В начале 1990-х гг. они начали задаваться вопросом – по какому пути должна идти вперед чувашская литература [Львов]. Тогда же более всего востребованными оказались жанры рассказа и повести. Но краткая форма в данный период приобретает большую глубину.

На передний план выходит внутренний мир отдельной личности. В связи с этим, одновременно с развитием публицистичности, много внимания уделяется области чувств и переживаний героев. Развивается психологическая проза (Хв. Агивер, А. Волков, Е. Лисина, Е. Осипова, А. Тарасов, Б. Чиндыков и др.), лирическая проза (В. Игнатъев, А. Ыхра, И. Ахрат).

Дух времени наиболее заметно смогло выразить молодое поколение, пришедшее в литературу вместе с перестройкой. Молодежь организовала выпуск сборников произведений молодых авторов «Утӓм» (Первые шаги, 1988; Шаги, 1990). Ей доверили выпуск новых номеров республиканских журналов «Тӓван Атӓл» (Родная Волга) и «Ялав» (Знамя) в 1988 г. (№ 10). В перестроечную эпоху возникла очередная волна возвращения к национальному вопросу, что, разумеется, отразилось и в литературе. На страницах газет и журналов бурно обсуждались проблемы, связанные с «чувашскостью» (чӓвашлӓх): вопросы преподавания и статуса чувашского языка, двуязычия, некоторое время чувашский язык изучают на предприятиях и в высших органах власти и т. д.

В 1980-е гг. ярко проявился талант молодых прозаиков Б. Чиндыкова, А. Тарасова, В. Степанова, В. Эктеля. Это была новая, во многих случаях ломающая традиции проза, в которой не было даже отзвука на связь с методом соцреализма. Молодые авторы интересовались деталями, осмыслили небольшое событие в контексте вечности, обнажали душу героя, воспринимали жизнь отдельного человека как часть жизни Вселенной (рассказы «Hotel Chuvashia», «Хӓретнӓ ҫӓмарта» («Пасхальное яйцо») Б. Чиндыкова; «Сутнӓ пӓрттри юлашки каҫ» («Последняя ночь в проданном доме») А. Тарасова; «Ҫӓлен» («Змей») В. Степанова и др.). В начале 1990-х гг. в литературу входят Г. Максимов, А. Тарасов, Е. Нарпи, А. Мышкина, Н. Ильина и др. Они стоят на стороне извечных ценностей (дом, семья, нравственность и т. д.), но обновляют содержание традиционной прозы, углубляют психологизм, предпочитают философское осмысление существующей действительности.

На рубеже двух веков прослеживается разнообразие форм, жанровых разновидностей, смешение стилей. Наибольшие изменения произошли в жанре романа. Появились новые формы: интеллектуальный (постмодернистский) роман – роман-киллер «Эфемпроптера каҫӓ, е ФАУст-2» («Эфемероптерова ночь, или ФАУст-2») В. Степанова и метафорический эскиз «Ай, мантарӓн, хир мулкачи» («У нас

колесница одна») Г. Федорова; этнофэнтези «Пи-хампар йытти» («Господа Пигамбара пёс») В. Степанова; социально-политический роман «Упи каşман сырминчен» («Над медвежьим врагом») Ю. Сана. Традиционные формы приобрели новые краски (роман-фантазмагория «Тайлак сын тёлёк» («Сон шизофреника») и романчик (памфлет) «Редиска монуменч» («Монумент Редиски») Н. Максимова) и др.; развивался исторический роман.

В 1990-е гг. в литературе начинают всё чаще изображаться негативные стороны современности, развивается «чёрный (жестокий) реализм»: авторы изображают разрушение деревни, пьянство и безработицу на селе и в городе, неуважение людей друг к другу [Федоров: 379]. Это было время, когда ценность денег сильно возросла и сильно упала цена человеческой жизни. Сами писатели признавались, что в жизни не осталось места для позитива, что и выразилось в литературе [Станьял, Камышова: 40]. Герой нового времени размышлял о своем месте в жизни (роман Н. Максимова «Пурна́сри выр́ан» («Место в жизни»)), пытался обрести духовно-нравственную опору (повесть Н. Мартынова «Пёр ухмахан юратна́ сáмахё» («Любимое слово одного дурака»)) и др. Духовную ситуацию катастрофического времени, психологию современника, его растерянность и неспособность найти свое место в жизни, пожалуй, так отчетливо могли отразить именно асоциальные элементы (алкоголики, безработные, преступники и т. д.), которые все чаще выходили на передний план в произведениях (творчество Д. Гордеева, Н. Симунова, С. Павлова и др.). В начале второго десятилетия негативизм в целом был преодолен, обозначились контуры «героя нового времени», который в состоянии преодолеть жизненные трудности и повести нацию за собой (Ю. Сан и др.).

Вместе с крушением старых идеалов, уничтожением малых деревень и ростом городов рушатся и прежние социальные связи. Писатели часто пытаются понять причины разрушения родственных нитей, напомнить о том, что может случиться с каждым из нас (А. Волков, В. Петров, и др.). В произведениях важное место занимает осмысление национальных особенностей. М. Сунтал, в частности, в книге прозы «Аса шапна́ чун» (Пораженный громом) размышлял о загадке чувашской души, характере человека, ценностях национальных и общечеловеческих. В философских сказках автор обратился к чувашской истории, судьбе народа. Чаще всего Сунтал реконструирует смысл известных пословиц и поговорок, интерпретирует значения того или иного явления, понятия, значимого для чувашей.

Важнейшим объектом внимания прозаиков в данный период стала история. Многие писатели обратились к осмыслению периода культа личности (А. Ар-

темьев, Д. Гордеев, Л. Таллеров, Г. Максимов и др.). Не переставала волновать все новые поколения россиян Великая Отечественная война. На чувашской земле не было боевых действий, тем не менее память о войне была жива в сердцах и тех, кто прошел эту войну, и тех, кто в тылу помогал приближать победу (В. Аллендей, В. Эльби, Г. Орлов, З. Нестерова и др.). Писатели в целом начинают преодолевать одностороннее изображение событий войны, анализируют её с другой точки зрения: как война изменила психологию человека, тяжелейшие условия жизни в тылу, рассматривают проблемы исторической памяти, взаимоотношений личности и истории.

В конце XX в. в прозе начинает осмысливаться Афганская война (1979–1989), её последствия и отражение в психологии и судьбе участников события, их близких (рассказы и повести А. Хмыта, Л. Сарине, Д. Гордеева). В начале XXI в. эту тему на ином уровне интерпретирует А. Хмыт в романе-диалогии «Леш тёнченрен» («С того света»).

В указанное время активизировалась и женская проза (аналогичная ситуация сложилась и в поэзии, и в драматургии). Женская проза (В. Эльби, А. Павловская, З. Нестерова, Н. Петровская, Е. Осипова, Л. Сарине, Л. Сачкова, Ю. Силэм, У. Эльмень и др.) отстаивает традиционный набор ценностных позиций: семья, дети, дом.

Сатирическая проза развивалась в творчестве В. Енеша, Ю. Терентьева и др. В рассказах и повестях Ю. Терентьева сильно ощутимы черты антиутопии. Писатель осмысливал не только чувашскую действительность, но и изменения, происходящие во всей стране. В фантастической прозе (Г. Ефремов, Г. Краснов, Н. Максимов, М. Сунтал, В. Енеш и др.) появились новые жанровые разновидности – повести мистико-фантазмагорические (Н. Петровская) и лирико-философские (В. Степанов).

Отдельные произведения Б. Чиндыкова, В. Степанова, прозу Г. Федорова правомерно рассматривать в русле постмодернизма. Б. Чиндыков усвоил опыт многих культур и при этом сумел выработать свой неповторимый почерк. Он чутко уловил «духовную ситуацию времени», в котором живет. Недаром книгу «Сурёёр хысёанхи апатлану» (Ужин после полуночи, 1992) в критике определили как «манифест 80-х гг.» [Толматов]. Б. Чиндыков первым начал открыто ставить «чувашские вопросы». С его небольшой статьи «Уроки чувашского», опубликованной в газете «Молодой коммунист» в 1984 г. началось обсуждение назревших проблем в печати [Чиндыков]. Молодой автор писал в целом о ситуации в образовании, но в ходе дискуссии, которая состоялась позже, стали подниматься и другие важнейшие вопросы: место чувашского языка в современном мире, его историческое значение и т. д.

Перу В. Степанова принадлежат «мистико-эротический триптих» («Натали», «Реципиент», «Фаворит»), «роман-киллер на получувашском языке» «Эфемероптерова ночь, или ФАУст-2», этнофэнтези, мистические, фантастические рассказы, монологи от лица известных личностей, эссе на философские и исторические темы. В романе-этнофэнтези «Господа Пигамбара пёс» прозаик попытался понять загадку своего народа, его духа, реконструируя древние мифологические пласты и древнюю его историю с сегодняшней точки зрения.

Особый интерес представляет метафорический эскиз («ытарлă эскиз», авторское определение) Г. Федорова «У нас колесница одна» (1992–2015). Он состоит из семи повестей. Этот цикл повестей правомерно соотнести с жанром интеллектуального романа. В нем – одна общая идея, общие герои, общее историческое и культурное пространство [Никифорова]. Прозаик анализирует драматизм XX в. в национальном варианте, исторические его катаклизмы в чувашском преломлении (период колхозного строительства, репрессии и т. д.). В произведении изображается тяжелая жизнь чувашского крестьянина, шире – человека, который оказался один на один со своей судьбой.

«Проза чутко реагирует и на отдельные запросы рыночной конъюнктуры, предлагая читателю острофабульные произведения, густо засыпанные эротическими сценами и эпизодами («Шум» В. Эктеля, «Грешная женщина» Ю. Силэм)» [Артемьев: 235].

В конце XX в. в русской культуре литературоцентризм сдает свои позиции [Мартынов: 33]. Аналогичный процесс происходит и в чувашском культурном пространстве. Во всех литературах бывшего СССР протекали, видимо, схожие процессы, что было связано с социально-историческими изменениями в стране. Эти процессы нельзя назвать полностью естественными. Со снятием запретов в общество хлынул поток низкопробных иностранных кинофильмов; однодневных бульварных романов, различного рода шоу и т. д. Общество само в какой-то мере заменило литературу другими видами своей деятельности, а поспешило сказать, что значение литературы поменялось. Иными словами, речь идет не о конце литературы как таковой, а об изменении акцентов в наборе культурных ценностей.

Таким образом, можно сделать вывод, что рубеж XX–XXI вв. в чувашской литературе является неким переходным периодом, в течение которого происходит смена литературной парадигмы в целом, меняется содержание, очерчиваются контуры новой прозы. В начале обозначенного периода на первый план вышла публицистическая проза. Она осмысливала изменения, произошедшие в жизни страны и общества. Одновременно возрос интерес к отдельной личности, активно развивалась психологическая проза. До сере-

дины 1990-х гг. самым востребованным жанром чувашской прозы был рассказ. Он стал более кратким по объему, но приобрел большую глубину. Чуть позже динамично развивается роман. Появились новые жанровые модификации: интеллектуальный роман, этнофэнтези, социально-политический роман. Видоизменился исторический роман, который, наряду с повестью и рассказом, немалое влияние уделит периоду культа личности и Великой Отечественной войны. Обновление содержания и формы чувашской прозы связано, прежде всего, с поколением авторов, пришедших в литературу вместе с перестройкой.

Список литературы

Айташ Ю., тата ыт. те. Паянхи литературăна мён ҫитмест? // Ялав. 1989. № 4. С. 24–26.

Артемьев Ю.М. Чувашская литература: учебник для 10–11 классов русскоязычных школ. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. 238 с.

Большов О.Ф. Пограничные ситуации // Философия экзистенциализма. URL: https://mir-knig.com/read_232074-1 (дата обращения: 08.07.2021).

Бочкарева Н.С. Формы выражения кризисного сознания в литературе и культуре рубежа веков // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 2 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-vyrazheniya-krizisnogo-soznaniya-v-literature-i-kulture-rubezha-vekov> (дата обращения: 06.07.2021).

Ивинских Г.П. «Имена» столетий и феномен рубежа веков как социокультурный вариант // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imena-stoletiyi-fenomen-rubezha-vekov-kak-sotsiokulturnyy-invariant> (дата обращения: 06.07.2021).

Кузнецова Т.Л. Коми проза конца XX – начала XXI века: опыт художественных поисков. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 272 с.

Львов П., тата ыт. те. Мёпле ҫул-йёрпе каймалла? Ҫёнейкерелу тата паянхи ҫаваш литературинчи меслетпе ăсталăх ыйтăвёсем // Ялав. 1991. № 12. 24–26 с.

Мартынов В. Пестрые прутья Иакова: Частный взгляд на картину всеобщего праздника жизни. М.: МГИУ, 2008. 140 с. (Современная русская философия. № 2).

Никифорова В.В. Интеллектуальная проза в чувашской литературе: поэтика творчества Георгия Федорова // Чувашский гуманитарный вестник. 2009. № 4. С. 124–138.

Станьял В.П., Камышова Н.Н. Чăваш халăх ҫыравҫи Денис Гордеев: пурнăҫе пултарулахён тёрленчкё. Шупашкар: ЧПГ АИ, 2013. 76 с.

Толматов В. 80-мёш ҫулсен манифестчё // Хыпар. 1993. Июнь 10-мёш.

Федоров Г.И. Чăваш литератури (1945–1985): вёрену пособийё. Шупашкар: ЧПУ, 2004. 516 с.

Чиндыков Б. Уроки чувашского // Молодой коммунист. 1984. Октябрь 23, 25.

References

Ajtash Ju., tata yt. te. *Pajanhi literaturăna mên çit-mest?* [What is missing in modern literature]. *Jalav* [Banner], 1989, № 4, pp. 24–26. (In Chuvash).

Artem'ev Ju.M. *Chuvashskaja literature* [Chuvash literature]. Cheboksary, Chuvash. kn. izd-vo Publ., 2003, 238 p. (In Russ).

Bol'nov O.F. *Pogranichnye situacii* [Border situation]. *Filosofija jekzistencializma* [Philosophy of Existentialism]. URL: https://mir-knig.com/read_232074-1 (access date: 08.07.2021). (In Russ).

Bochkareva N.S. *Formy vyrazhenija krizisnogo soznaniya v literature i kul'ture rubezha vekov* [Forms of expression of crisis consciousness in literature and culture of the turn of the century]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of the Perm University], 2010, vol. 2 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-vyrazheniya-krizisnogo-soznaniya-v-literature-i-kulture-rubezha-vekov> (access date: 06.07.2021). (In Russ).

Ivinskih G.P. *“Imena” stoletij i fenomen rubezha vekov kak sociokul'turnyj variant* [The “names” of centuries and the phenomenon of the turn of the century as a socio-cultural variant]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences], 2014, № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imena-stoletiyi-fenomen-rubezha-vekov-kak-sotsiokulturnyy-invariant> (access date: 06.07.2021). (In Russ).

Kuznecova T.L. *Komi proza konca HH – nachala XXI veka: opyt hudozhestvennyh poiskov* [Komi prose of the late XX-early XXI century: the experience of artistic searches]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2020, 272 p. (In Russ).

L'vov P., tata yt. te. *Mênle çul-jërpe kajmalla? Çë-njêrkely tata pajanhi chăvash literaturinchi mesletpe âstalâh yjtävësem* [Which way to go? Perestroika and problems of method and Skill in Modern Chuvash Literature]. *Jalav* [Banner], 1991, № 12, pp. 24–26. (In Chuvash).

Martynov V. *Pestrye prut'ja Iakova: Chastnyj vzgljad na kartinu vseobshhego prazdnika zhizni* [The motley rods of Jacob: A private look at the picture of the universal holiday of life]. Moscow, MGIU Publ., 2008, 140 p. (In Russ).

Nikiforova V.V. *Intellektual'naia proza v chuvashskoi literature: poetika tvorchestva Georgiia Fedorova* [Intellectual prose in Chuvash literature: poetics of George Fedorov's creativity]. *Chuvashskii gumanitarnyi vestnik* [Chuvash Humanitarian Bulletin], 2009, № 4, pp. 124–138.

Stan'jal V.P., Kamyshova N.N. *Chăvash halâh çyравçi Denis Gordeev: purnăçëpe pultarulâhën têrlenchêkê* [People's Writer of the Chuvash Republic: an essay on life and creativity]. Cheboksary, ChPGĀI Publ., 2013, 76 p. (In Chuvash).

Tolmatov V. *80-mêsh çulsen manifeschê* [Manifesto of the 80s]. *Hypar* [News], 1993, Ijunên 10-mêshê. (In Chuvash)

Fedorov G.I. *Chăvash literaturi (1945–1985)* [Chuvash literature (1945–1985)]. Cheboksary, ChPU Publ., 2004, 516 p. (In Chuvash).

Chindykov B. *Uroki chuvashskogo* [Chuvash lessons]. *Molodoj communist* [Young Communist], 1984, Oktjabr' 23, 25. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 14.02.2021; одобрена после рецензирования 26.04.2021; принята к публикации 10.05.2021.

The article was submitted 14.02.2021; approved after reviewing 26.04.2021; accepted for publication 10.05.2021.